

- Наруто, тебе нужно двигаться, сейчас же!

Только напряженный крик Шикамару вывел Наруто из оцепенения. Меньше чем через полсекунды после этого он понял, что замер. Просто закрыл глаза и принял смерть. Стиснув зубы, он отшатнулся назад, когда дзюцу Шикамару "Кагэманэ но дзюцу" (Теневой паралича) не сработало, позволив мечу статуи вонзиться в землю там, где стоял блондин.

- Спасибо Шикамару! - воскликнул Наруто, когда пара статуй набросилась на него, заставив его перепрыгнуть через горизонтальный удар прямо в грудь статуи. Упираясь ногами в каменный торс, он согнул колени и сделал сальто назад, позволяя мечу второй статуи врезаться прямо в первую, рассекая ее надвое.

Если бы он не был так потрясен, он бы отметил, как круто, наверное, это выглядит, ведь он почти идеально приземлился на землю. На самом деле, движения статуи были медленными и громоздкими, что позволило Наруто воспользоваться преимуществами, которые дала ему тренировка тайдзюцу Югао, а в последнее время и Джирайи. Пока разрушенная статуя восстанавливала свое тело, Наруто создал трио Каге Буншин, чтобы прикрыть Шикамару, который сам сражался с парой статуй, и еще двоих, чтобы помочь в реализации плана, который только что зародился в его голове.

- Шикамару, у тебя есть взрывная метка? - воскликнул Наруто, когда две статуи вновь сблизились с ним. Шикамару ответил утвердительным ворчанием, снова вытянув свой Кагэманэ, предотвращая уничтожение Каге Буншина. - Оставь эти статуи буншинам и подойди немного ближе, у меня есть план.

Деактивировав Кагэманэ, когда одно из фуутон-дзюцу Буншина врезалось в голову статуи, разбив безликий придаток на тысячи осколков, он переместился ближе к Наруто и занял позицию, с которой мог поддержать блондина в реализации его плана. Внезапно еще полдюжины Каге Буншин вскочили на ноги, а остальные каменные статуи начали двигаться вперед, пытаясь окружить пару генинов. Нара уже начал думать о том, что приближение к блондине было плохим тактическим решением.

- Я думаю, они сделаны с помощью фууиндзюцу? - Наруто был уверен в своей теории, даже когда все новые клоны ожили, чтобы противостоять растущему числу статуй, пытающихся присоединиться к битве. Нара растерялся, увидев этот подвиг, который до сих пор почти не запомнился ему. Он хорошо знал технику Каге Буншин, и тот факт, что любой более чем один твердый Буншин уложил бы его от истощения чакры. Наруто разбрасывался ими ради забавы. Он даже не выдохся. Кроме того, всего месяц или около того назад блондин не смог бы сказать, что такое фууиндзюцу, не говоря уже о том, чтобы определить его применение в середине боя.

- Я попытаюсь уничтожить одну снова. Разбить его настолько, чтобы мы смогли увидеть то, что я принял за печать. Потом, когда я это сделаю, прибейте ее меткой, хорошо?

- У меня нет идей получше, Наруто! Ты уверен, что сможешь сделать это больше одного раза? Твоя чakra уже на исходе, а у меня не хватит мускулов, чтобы справиться с одним или двумя

такими тварями.

- У меня... у меня их более чем достаточно, Шикамару. Кроме того, им придется уложить меня навсегда, прежде чем я позволю им добраться до тебя или Ханы, независимо от того, хватит у меня чакры или нет.

Наруто колебался, потому что это было не совсем верно. На самом деле, он начал ощущать значительную потерю чакры только после последней серии Буншин. Однако ему не хотелось, чтобы Шикамару начал интересоваться, откуда у него такие огромные запасы. Хотя он и понимал, что люди его возраста рано или поздно должны будут узнать об этом, он мог бы подождать, пока не будет готов рассказать им об этом на своих условиях.

Заметив, что Нара принял его ответ и начал готовить свою взрывную метку, Наруто привел в действие свой зарождающийся план. Два Каге Буншина появились по обе стороны от него, когда первая из каменных статуй прорвалась сквозь Буншин, созданный им, чтобы сдержать их. Они прыгнули вперед, из каждой их руки вырвались плети молний, которые с треском обвили вокруг конечностей статуи. Дернув изо всех сил и увеличив количество чакры, вливаемой в дзюцу, они оторвали руки и ноги статуи от туловища, оставив тело статуи на мгновение подвешенным в воздухе.

- Фуутон: Дайтоппа! (Высвобождение ветра: Великий прорыв)

Каге-буншин присоединился к оригинальному Наруто в выполнении его новой техники, и в необычный момент ясности за мгновение до того, как злобный, режущий шторм, вызванный трио копий Наруто, достиг своей цели, блондин заметил, что он улучшил, хотя бы немного, свое дзюцу.

Точность дзюцу Наруто снова была образцовой, яростный поток воздуха, наполненного чакрой, столкнулся с целью на бешеной скорости, перемалывая тело статуи, заставляя ее рассыпаться в прах, как это удалось Наруто в первый раз.

И, как и в первый раз, жуткое красное свечение в центре кучи возвестило о начале процесса восстановления.

- Шикамару, сейчас же! - крикнул Наруто, отпрыгивая назад от места рядом с временно поверженной статуей. Нара не нуждался в подсказках и, уже приготовив метку, просто ждал, пока Наруто выйдет за пределы досягаемости взрыва, а затем бросил метку в сторону источника свечения, исходившего от груды обломков. Легкое "шипение" было единственным доказательством того, что метка, которую он обернул вокруг куная, чтобы обеспечить вес, необходимый для преодоления расстояния, была живой взрывчаткой.

Если быть честным, то взрыв был не слишком впечатляющим. Он видел его только тогда, когда использовал свой Буншин, чтобы избежать взрыва на экзамене для генинов. Он мог поклясться, что он выглядел намного больше, когда он должен был разлететься на куски.

Как бы это ни было разочаровывающе для генина, который, хотя и повзрослел, все еще любил хорошие взрывы время от времени (а кто не любил, в конце концов), метка сделала свое дело, разбросав и без того рыхлые обломки по каньону во всех направлениях, и довольно хорошо осветив темную область внутри каньона.

Ни Наруто, ни Шикамару не смогли удержаться от торжествующей улыбки, когда дым от взрыва рассеялся, красного свечения от печати не стало видно, а остатки статуи не подавали признаков того, что собираются обратно. Это был лишь кратковременный триумф, когда Наруто почувствовал, что последний из его Буншин, сражавшихся с оставшимися статуями, был уничтожен ударом в грудь однорукой статуи, и эта статуя повернулась лицом к генину.

- Так, - начал Наруто, его голос был нехарактерно серьезен. - Мы знаем, что их удерживает вместе какая-то печать. Теперь, из того, что я знаю, печать будет тем местом, куда направляется их чакра, и это то, что делает их такими трудными для уничтожения. Из того, что я знаю, чтобы печать работала, сама печать должна быть непрерывной, как цепь. Поэтому, чтобы разрушить их, нам нужно разорвать цепь.

- Только это не так просто, не так ли? Мы не можем увидеть печать, если только она на самом деле не восстанавливает их, и они не поставили все печати в одном и том же месте на каждом из них. Даже у тебя, Наруто, в какой-то момент должна закончиться чакра, а у меня всего пять меток. Мы не можем продолжать в том же духе. - Шикамару закончил мысль Наруто от его имени, но ленивая интонация, обычно присущая его тону, таинственным образом отсутствовала.

- Что ж, тогда нам придется придумать другой способ победить их. Я не позволю им причинить вред моим товарищам. - Наруто говорил так, словно это было самым простым делом на свете, а его неуверенность в себе не выдавалась ни одним его движением. Даже когда он вызвал еще один Каге Буншин и двинулся наперерез приближающимся каменным чудовищам, он не дрогнул. Шикамару вздохнул, формируя ручную печать для единственного семейного дзюцу, которое он действительно выучил.

Однако Шикамару знал, что это мало что изменит. Он полностью полагался на Наруто. И ему это не нравилось. Пусть он был ленив, но Нара Шикамару заботился о своих друзьях, а Наруто, несмотря на то, что они редко общались во время учебы в академии, и он только недавно узнал блондина по-настоящему, был его другом. Мысль о том, что его лень может подвергнуть кого-то из них опасности, даже не приходила ему в голову. Нет, ему совсем не нравилось это чувство беспомощности. Он ненавидел его.

Протянув свою тень вперед к ближайшим статуям, с которыми сражался Наруто, он подумал, что было бы слишком неприятно допустить, чтобы кто-то из его друзей или товарищей погиб из-за того, что он был слишком слаб, чтобы что-то предпринять.